

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.297.302>

НОВОВАВИЛОНСКАЯ ПЕЧАТЬ В КОНТЕКСТЕ МОГИЛЬНИК САРМАТСКОЙ ЭПОХИ У СТАНИЦЫ ТБИЛИССКОЙ

©2026 г. М.Г. Бодрова

В статье рассматривается нововавилонская печать, найденная в составе инвентаря сарматского погребения кургана № 3 у станицы Тбилисской (Прикубанье). Несмотря на то, что само погребение датируется концом I – началом II века н. э., иконография и техника исполнения печати указывают на её происхождение из нововавилонского культурного круга VI–V вв. до н.э. На печати представлен человек в позе поклонения перед символами божеств Мардука и Набу. Изображение выполнено в стиле «cut-and-drilled» и сопровождается клинописной надписью, схожей с теми, которые известны на оттисках из Административного архива Персеполя. Автор прослеживает возможную «культурную биографию» печати: её функционирование в вавилонскую, ахеменидскую и сарматскую эпохи, а также предполагает, что изображение на печати в последний период её бытования могло осознаваться в качестве ритуальной сцены. Основанием для этого предположения служит контекст печати среди погребального инвентаря курганов у станицы Тбилисской. В трех комплексах могильника обнаружены железные треножники с зооморфными навершиями, интерпретируемые автором как алтари, связанные с культом огня. Таким образом, печать рассматривается не как случайная диковинная вещь, а как предмет, сохраняющий важное значение на протяжении веков в различных культурах.

Ключевые слова: археология, сарматская эпоха, Прикубанье, нововавилонская печать, ритуальная практика, межкультурные контакты

NEO-BABYLONIAN SEAL IN THE CONTEXT OF A SARMATIAN PERIOD BARROW FIELD NEARBY THE VILLAGE OF TBILISSKAYA

M.G. Bodrova

The article examines a Neo-Babylonian seal discovered among the grave goods of a Sarmatian burial in the barrow No. 3 nearby the village of Tbilisskaya (Kuban region). Although the burial itself dates to the late 1st – early 2nd century BC, the seal iconography and carving technique indicate its origin in the Neo-Babylonian cultural sphere of the 6th–5th centuries BC. The seal depicts a human figure in a gesture of worship before the symbols of the gods Marduk and Nabu. It is made in the "cut-and-drilled" style and bears a cuneiform inscription similar to those found on the prints from the Persepolis Administrative Archive. The author traces the seal's possible "cultural biography": its use during the Babylonian, Achaemenid, and Sarmatian periods, and suggests that in the final stage of its existence, the image on the seal may have been perceived as a ritual scene. This hypothesis is supported by the seal's context among the funeral set of the barrows nearby the village of Tbilisskaya. Three complexes of burial grounds contained iron tripods with zoomorphic tops, which the author interprets as altars associated with fire worship. Thus, the seal is viewed not as a random curiosity, but as an object that retained significant meaning over the centuries across different cultures.

Keywords: archaeology, Sarmatian period, Kuban region, Neo-Babylonian seal, ritual practice, inter-cultural contacts

В погребальных памятниках сарматской эпохи Прикубанья время от времени встречаются находки, происхождение и датировка которых существенно выходят за рамки ожидаемого археологического контекста. Такие предметы в древности в силу разных причин, пережив несколько столетий, оказались вдали от своей родины. Одной из подобных находок является необычная печать, обнаруженная в кургане № 3 у станицы Тбилисской в 1978 г. Несмотря на то, что погребение, в составе

инвентаря которого она была найдена, датируется концом I – началом II века нашей эры (Ждановский, 1984, с. 78), сама печать, судя по стилистике и иконографии, восходит к значительно более раннему времени.

Печать изготовлена из коричневого кварца и имеет октагонально-пирамидальную форму с отверстием для подвешивания (рис. 1, 2). Клише изделия содержит изображение человеческой фигуры с воздетыми вверх руками перед стилизованной композицией неких

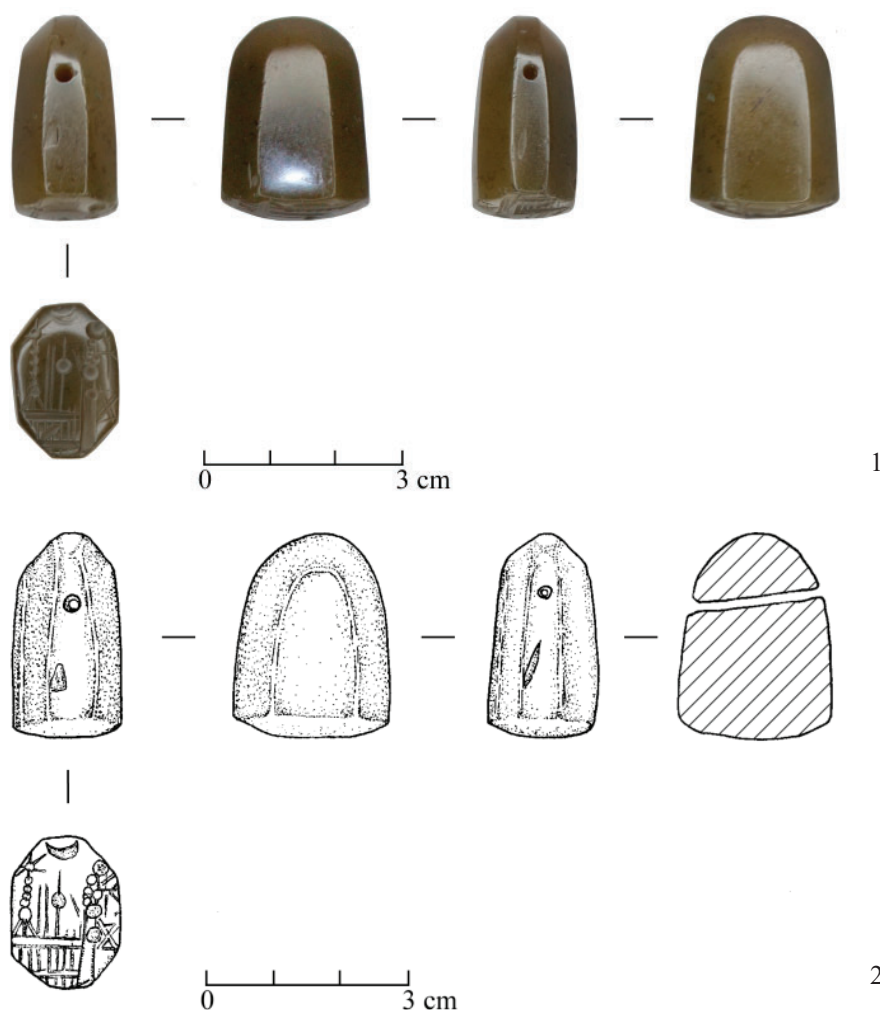

Рис. 1, 2 Печать из кургана № 3 у станицы Тбилисской (фотографии и рисунок выполнены Жадаевой А.)
Fig. 1, 2 Seal from barrow No. 3 nearby the village of Tbilisskaya (photos and drawing were made by A. Zhadaeva)

объектов. Впервые печать была упомянута автором раскопок — А.М. Ждановским при публикации материалов катакомбных комплексов курганный группы у станицы Тбилисской (Ждановский, 1984, с. 72–99). В дальнейшем находка фигурировала в каталогах различных выставок и монографиях (Шедевры..., 1987, с. 133; Gold und..., 1989, s. 142, № 160; The Treasures..., 1991, p. 53, № 23; Marčenko, Limberis, 2008, s. 353, № 64, Taf. 92, 2, Мордвинцева, Хачатурова, 2010, с. 338; Хачатурова, 2011, с. 8), оставаясь без тщательного исследования. Впервые подробную атрибуцию и иконографический анализ печати проделал М. Ю. Трейстер в статье 2019 года (Трейстер, 2019, с. 20–31).

Рассматривая ее существование до момента помещения в сарматское погребение, можно предположить, что она могла бытовать по меньшей мере в трех разных эпохах: в ново-

вавилонской, где печать, по всей видимости, была создана и использовалась по прямому назначению; в ахеменидской, где вавилонские печати продолжали бытовать, а изображения на них, скорее всего, переосмыслились; и, наконец, в сарматской, где она могла получить новое значение.

С первой из этих эпох — вавилонской — связана иконография, представленная на лицевой поверхности печати. Сцена трактуется как изображение человека в позе поклонения перед символами Мардука (лопата или мотыга) и Набу (стилус). Эти знаки размещены на пьедестале; над ними помещён полумесяц, интерпретируемый как знак бога Сина (Seidl, 1989, s. 97-98; 117-125). Концепция изображения человека перед неантропоморфными формами божеств появляется в VIII–VII вв. до н.э. (Ornan 1995, p. 41), но на печатях известна с VI–V вв. до н.э. (Zetler, 1979). В течение этих

периодов изображение претерпевает стилистические изменения. Уже в VII в. до н. э. наблюдается тенденция к упрощению исполнения. В нововавилонское время все чаще встречаются печати в стиле «cut-and-drilled», при котором фигуры и знаки сведены к простым геометрическим формам (Leick, 2007, p. 116). В подобной технике вырезана и печать из погребения у станицы Тбилисской: символы выполнены схематично, а фигура редуцирована до сочетания линий и точек. Лопата или по-другому «марру» Мардука представлена вариативно в виде пики и шара, что встречается на поздних печатях (Ritter, 2007, p. 1/5). Стилус Набу изображен двумя линиями (Gilibert, 2007, 1/4-2/4). Дополнительный элемент в композиции – тренога, с шестью кругами, верхний из которых снабжён расходящимися лучами — может интерпретироваться как лампа, стойка или иной культовый объект (Jakob-Rost, 1997, p. 74, № 256–257). Позади человеческой фигуры присутствуют дополнительные черточки, кажущиеся на первый взгляд случайными и не наделенными сематическим значением. Однако, согласно исследованию материалов Административного архива Персеполя, похожие метки встречаются еще на семи оттисках печатей и интерпретируются как клинописная надпись ^{AN} KASKAL (рис. 3), означающая имя некоего божества (Chandler, 2021, p. 89–90). Надпись встречается исключительно на печатях. Судя по контексту, они датируются VI–V вв. до н.э. Ареал находок – Вавилон, Ниппур, Персеполь и Нимруд (Chandler, 2021, p. 89).

Сюжет, столь понятный и буквально транслирующий свой смысл через надпись и символику в вавилонской среде, продолжает бытовать и в эпоху Ахеменидов, однако его восприятие постепенно меняется. Несмотря на предполагаемую утрату понимания символики и стилистическую трансформацию, изображение сохраняет узнаваемую композицию – фигура человека, обращенная к сакральным объектам. Эта устойчивость позволяет изображению «пережить» свою культуру, оставаясь интерпретируемым вне изначального контекста. В эпоху Ахеменидов такие сцены могли восприниматься как культовое действие перед алтарём огня, сходное с зороастрийской традицией. Как отмечает М. Гаррисон, именно нововавилонский иконографический мотив мог повлиять на форми-

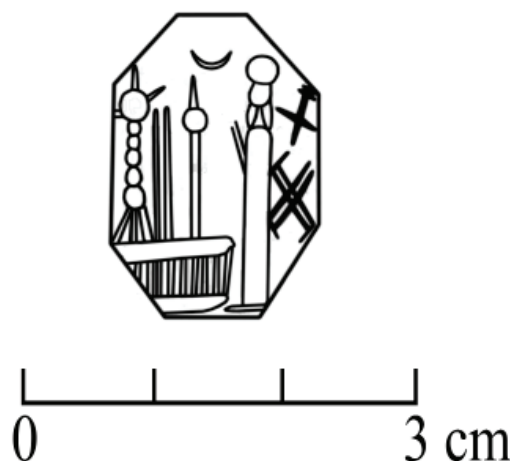

Рис. 3 Печать PFS1205*S из Административного архива Персеполя (Chandler, 2021, p.838)

Fig. 3 The seal PFS1205*S from the Persepolis Administrative Archive (Chandler, 2021, p.838)

рование ахеменидской визуальной системы изображения жрецов и алтарей (Garrison, 2017, p. 354–355).

Изображение на печати продолжает восприниматься как значимое даже тогда, когда теряется точное знание о его происхождении. Сама композиция – человек, стоящий перед алтарём или символами – остаётся понятной как сцена поклонения или ритуального действия. Узнаваемость сцены обеспечивается не отдельными деталями, а её общей структурой. Благодаря этому изображение может быть переосмыслено в разных культурах, но при этом сохранять своё ритуальное значение. Такой переход от одной традиции к другой хорошо объясняется через идею культурной биографии предмета – представлении о том, что вещь может на протяжении своей «жизни» переходить из одного контекста в другой, при этом сохраняя функциональную и символическую актуальность.

Печати с данным сюжетом распространены в ахеменидское время довольно широко. Ближайшие к Северному Предкавказью локализации – это Малая Азия (Kaptan, 2002, p. 3, DS1; Dusingberre, 2005, p. 58–59, Cat. 38, Fig.48; Yilmaz, 2015, p. 59-61, Fig. 1) и Закавказье, где похожая печать найдена в погребении IV в. до н.э. (Kacharava, Kvirkvelia, 2008, p. 293, 295, Fig. 49). Именно из Иберии, по предположению М. Ю. Трейстера, рассматриваемая находка могла попасть в погребение кочевника в Прикубанье (Трейстер, 2019, с. 25).

Бытование в сарматскую эпоху стало последним этапом использования печати до ее

археологизации. Захоронение, в котором была обнаружена находка, входит в состав курганной группы к западу от станицы Тбилисской в Прикубанье. Первые насыпи могильника были раскопаны Н.И. Веселовским в начале XX века, остальные исследовались А. М. Ждановским в 1970-е гг. (Ждановский, 1984, с. 72–99). Их объединяет схожесть погребального обряда – основные катакомбные захоронения, расположенные по центру¹ насыпи (Ждановский, 1984, с. 72–99). Эти признаки позволяют рассматривать курганы как единый памятник, характеризующийся устойчивым ритуалом и определённым набором инвентаря.

Несмотря на то, что большинство курганов были ограблены в древности, уцелевший инвентарь демонстрирует общие черты: в половине погребений обнаружены предметы вооружения, элементы доспехов, в некотором количестве катакомб обнаружены кости лошадей. По наблюдению С.А. Яценко, данная группа погребений, при отсутствии «по-настоящему массивных золотых изделий»², характеризуется высоким уровнем экипировки и разнообразием оружия, что позволяет интерпретировать её как погребения членов профессиональной дружины (Яценко, 2014, с. 257–258).

Наряду с вооружением, в ряде погребений присутствуют и предметы ритуального назначения: три железных треножника с зооморфными навершиями (рис. 4), а также две лепные курильницы (Ждановский, 1984, с. 72–99). Треножники, считающиеся эволюционным развитием жезлов с зооморфными композициями, характерных для комплексов зубовско-воздвиженской группы памятников (II в. до н.э. – I в. н.э.) Кубанского региона встречаются в могильниках так называемого Золотого кладбища (втор. пол. I – III вв. н.э.). Вопрос их назначения является предметом давней дискуссии. М.П. Абрамова в этих предметах видит символы власти (Абрамова, 2007, с. 43), Н.Ф. Шевченко предполагает их ритуальное использование (Шевченко, 2006, с. 141–149). Опираясь на этнографические параллели из зороастрийского Ирана и осетинской культуры, а также на археологические аналогии недавно была предложена интерпретация, согласно которой их использовали в качестве портативных алтарей, связанных с ритуалами огня (Бодрова, 2025, в печати).

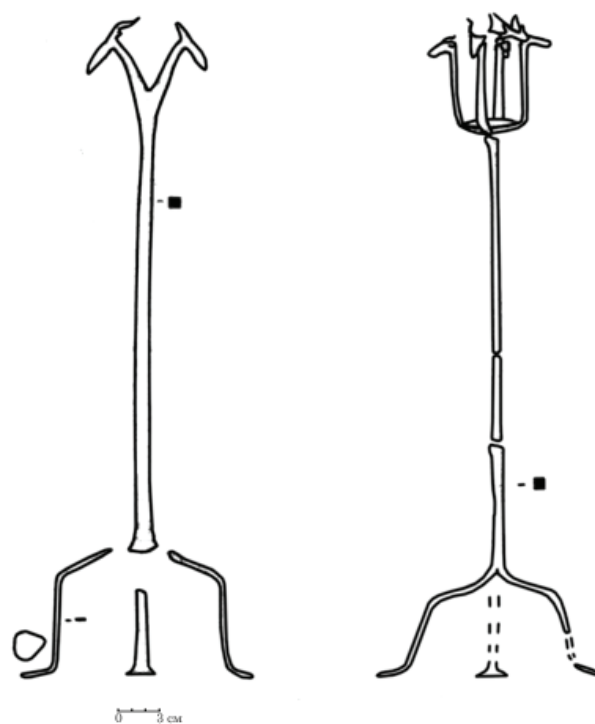

Рис. 4 Треножники-алтари из курганов № 6, 9 у станицы Тбилисской

Fig. 4 Tripods-altars from barrow No. 6, 9 nearby the village of Tbilisskaya

Учитывая эту гипотезу, рассматриваемая печать с изображением молящегося перед алтарём уже не выглядит случайной диковинной вещью. Можно допустить, что носители кочевнической культуры, воспринимая изображение поклонения, узнавали в нем практикуемую ритуальную сцену. Именно поэтому печать могла быть значимой для последнего владельца. Наличие среди погребального инвентаря комплексов могильника у станицы Тбилисской трех треножников-алтарей укрепляет это предположение³.

Таким образом, вне зависимости от конкретного значения, закреплённого за печатью в момент изготовления, композиция на ней сохраняла свое значение в качестве ритуальной сцены. Включение печати в состав погребального инвентаря могло отражать как личный статус погребённого, так и особое значение предмета для него. Даже при утрате исходного контекста, визуальный образ продолжал функционировать как символический знак – возможно, как амулет, реликвия или оберег. Печать не была изолированной вещью: она могла воспринималась в окружении других предметов ритуального характера, с которыми формировала некий значимый комплекс.

Смена значений, смена владельцев, смена культурных контекстов не препятствовали тому, чтобы печать оставалась важным предметом. Её восприятие адаптировалось, смысл дополнялся, но статус сохранялся. Это делает печать ярким примером того, как предмет может быть включён в новые системы символов и интерпретаций, продолжая выполнять ритуальную функцию.

Печать из кургана у станицы Тбилисской — это не только редкая находка, иллюстриру-

ющая дальнейшие культурные контакты, но и пример устойчивости визуального образа в условиях глубокой исторической трансформации. Она демонстрирует, как вещи «живут» за пределами своего времени, как они меняют функции и значения, оставаясь узнаваемыми благодаря структурному коду изображения. В этом — ценное свидетельство того, что материальные объекты способны не только перемещаться, но и адаптироваться, сохраняя при этом значимость для разных культур.

Примечания:

¹ Только одно погребение не находится в центре.

² Это наблюдение не кажется надежным, поскольку, как сказано выше, почти все погребения ограблены.

³ Могильник у станицы Тбилисской выделяется количеством находок треножников среди синхронных памятников Прикубанья.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М. П. Абрамовой / МИАР. № 8 / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев, Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2007. С. 11–187.

Бодрова М.Г. Жезлы и треножники с зооморфными навершиями у кочевников Северного Предкавказья II в. до н. э. — III в. н. э.: вариант интерпретации // ВДИ. 2025. № 4. В печати.

Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Отв. ред. Н. И. Кирей. Краснодар: КубГУ, 1984. С. 72–99.

Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В. Сокровища древней Кубани / Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып. 4. Симферополь; Краснодар: Универсум, 2010. 448 с.

Трейстер М.Ю. Скарабеоид из погребения 1 кургана 1/2015 могильника Чеботарев V на Нижнем Дону (о ближневосточных печатях в погребениях среднесарматского времени) // РА. 2019. № 1. С. 20–31.

Хачатурова Е.А. Античные печати и геммы // Каталог войсковых и станичных печатей XVIII–XX вв. [Из коллекции КГИАМЗ] / Отв. ред. А.Г. Еременко, Т.А. Павленко, В.И. Колесов. Краснодар: КГИАМЗ, 2011. С. 6–13.

Шевченко Н.Ф. «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. 2006. № 1. С. 141–154.

Шедевры древнего искусства Кубани / Отв. ред. А.М. Лесков, В.Л. Лапушнян. М.: М-во культуры СССР, 1987. 187 с.

Яценко С.А. О некоторых формах контактов сарматов с внешним миром // Сарматы и внешний мир / Уфимский археологический вестник. Вып. 14 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: Центр «Наследие», 2014. С. 257–262.

Chandler C. Text and Images of Authority: The Inscribed Seals from the Persepolis Fortification Archive. Ph.D. diss., Bryn Mawr College. 2021.

Dusinberre, E.R. *Gordion Seals and Sealings: Individuals and Society*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2005.

Garrison M.B. The ritual landscape at Persepolis: glyptic imagery from the Persepolis Fortification and Treasury archives. (Extraction and Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper). Chicago, 2017.

Gilbert A. 2007. Stylus // Egger J., Uehlinger Ch. (eds.) *Iconography of Deities and Demons in the Ancient Near East*, Electronic Pre-Publications. Available at: <http://www.religionswissenschaft.uzh.ch/idd/prepublication.php> (accessed 27.05.2025).

Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban / Leskow, A.M., Lapuschnjan W.L. (eds.). Stuttgart: Konrad Theiss, 1989.

Jakob-Rost, L. Die Stempelsiegel im Vorderasiatischen Museum Berlin. Mainz: Philipp von Zabern, 1997.

Информация об авторе:

Бодрова Мария Геннадьевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия), младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); maborydrova@gmail.com

REFERENCES

Abramova, M. P. 2007. In Kozenkova, V. I., Malashev, V. Yu., Munchaev, R. M. (eds.). *Severnyi Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: sbornik pamiati M. P. Abramovoi (The North Caucasus and the world of nomads in the Early Iron Age: an edited book in memory of M.P. Abramova)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of the Russian Archaeology) 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 11–187 (in Russian).

Bodrova, M. G. 2025. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (4), in print (in Russian).

Zhdanovskii, A. M. 1984. In Kirei, N. I. (ed.). *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza (Archaeological and Ethnographical Research in the Northern Caucasus)*. Krasnodar: Kuban State University, 72–99 (in Russian).

Mordvintseva, V. I., Khachturova, E. A., Yurchenko T. V. 2010. *Sokrovishcha drevnei Kubani (Treasures of the ancient Kuban)*. Series: Drevniaia toreutika i iuvelirnoe delo v Vostochnoi Evrope (Ancient toreutics and jewelery art in Eastern Europe) 4. Simferopol; Krasnodar: “Universum” Publ. (in Russian).

Treister, M. Yu. 2019. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* (1), 20–31 (in Russian).

Khachaturuva, E. A. 2011. In Eremenko, A. G., Pavlenko, T. A., Kolesov, V. I. (eds.). *Katalog voiskovykh i stanichnykh pechatei XVIII–XX vv. (Catalog of military and stanza seals of the XVIII–XX centuries)*. Krasnodar: Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn, 6–13 (in Russian).

Shevchenko, N. F. 2006. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (1), 141–154 (in Russian).

Leskov, A. M., Lapushnyan, V. L. (eds.). *Shedevry drevnego iskusstva Kubani (Masterpieces of the ancient art of Kuban)*. Moscow: Ministry of Culture of the USSR (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature; “Nasledie” Publ., 257–262 (in Russian).

Chandler, C. 2021. *Text and Images of Authority: The Inscribed Seals from the Persepolis Fortification Archive*. Ph.D. diss., Bryn Mawr College.

Dusinberre, E. R. 2005. *Gordion Seals and Sealings: Individuals and Society*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.

Garrison, M. B. 2017. *The ritual landscape at Persepolis: glyptic imagery from the Persepolis Fortification and Treasury archives. (Extraction and Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper)*. Chicago.

Gilibert, A. 2007. *Stylus*. In Egger J., Uehlinger Ch. (eds.) *Iconography of Deities and Demons in the Ancient Near East*, Electronic Pre-Publications. Available at: <http://www.religionswissenschaft.uzh.ch/idd/prepublication.php> (accessed 27.05.2025).

Leskov, A. M., Lapushnjan W. L. (eds.). 1989. *Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban*. Stuttgart: Konrad Theiss.

Jakob-Rost, L. 1997. *Die Stempelsiegel im Vorderasiatischen Museum Berlin*. Mainz: Philipp von Zabern.

About the Author:

Bodrova Maria G., HSE University. Pokrovsky boulevard, 11, Moscow, 109028, Russian Federation; Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; maborydrova@gmail.com

Статья поступила в журнал 29.06.2025 г.
Статья принята к публикации 05.09.2025 г.